

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 2—4

(1933)

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

французских археологов, давших аннамским мастерам неподражаемые образцы древнего аннамского искусства. Не об аннамитах, а о самом авторе мы можем, например, узнать, что он несколько раз пытался охотиться на крупных животных (тигр и слоны), но по тем или иным причинам охоты не состоялись. Кроме того, в 1 главе, громко озаглавленной «*Annam de jadis et d'aujourd'hui*», мы можем видеть восторженный отзыв о личности покойного аннамского императора, о том, какую одежду он предпочитал, чем он интересовался и т. д., и после менее восторженных слов о современном его преемнике — автор нам сообщает о великолепии гробниц аннамских императоров и царей. Об Аннаме же прошлом и современном в этой главе — ни слова. Что же побудило автора написать эту книгу? Ответ на этот вопрос, хотя и в замаскированном виде, мы находим в предисловии, где говорится, между прочим, что Аннам — это ценнейшая жемчужина «в колониальной диадеме Франции». Что же составляет ценность этой жемчужины? Оказывается — каучук, породы деревьев, нужные для постройки аэропланов, полезные ископаемые, рис, чай и т. п. Если сопоставить это место с тем, как автор стремится подчеркнуть рентабельность французских предприятий в богатейшей французской колонии, хотя бы на примере фирмы «Техог», то становится совершенно очевидной основная мысль автора. Косвенно она выражена в концовке предисловия: там автор цитирует слова, которые в 1922 г. высказал лорд Норсклифф, в прошлом — директор «Times» и «Daily Mail», о том, как замечательна эта французская колония, как умело Франция управляет ею и как следует Франции дорожить этой страной, и заключает все предисловие двумя строчками, в ко-

торых весь смысл этой книги: «Нам следовало бы, конечно, вспомнить (эти слова Ю. Щ.) и размышлять о них каждый раз, когда к нам прибывает тенденциозная информация через Кантон или через Москву». Текст этой книги не заслуживает изучения, как материал по страноведению, но вся книга — один из выразительных документов современного строения французского империализма в Индокитае. Под этим углом зрения прочитать ее не бесполезно.

Ю. Щуцкий.

7 XI 1932.

Мао-Дунь. Трилогия: «Разочарование» роман, 1932, Шанхай, изд. «Каймин», 1932 (ц. 45 центов), 134 стр.; «Колебания» роман, 1932 (ц. 70 центов), 238 стр. «В поисках» роман. 1932 (ц. 70 центов), 246 стр. 矛盾。幻滅。動搖。追求。開明書店刊。上海。

Рецензируемая трилогия Мао-Дуня (литературный псевдоним известного китайского писателя Шень Яньбин 沈雁冰) впервые была напечатана в мае 1930 г., и данное издание является четвертым. Этот факт, принимая во внимание вообще малый тираж изданий китайской художественной литературы, следует признать знаменательным, а это, в свою очередь, заставляет внимательно отнестись к книгам Мао-Дуня.

Книги были написаны к 1930 году, но их содержание отражает более ранний период, а именно 1927 год, тот год, когда в Китае происходили события, непосредственно повлиявшие на создание трилогии и выявившие отношение к ним писателя из лагеря мелкой буржуазии.

В этот период временного поражения китайской революции и нарастания новой революционной волны в среде литераторов китайской мелкобуржуазной ин-

теллигенции, примыкавшей к левому Гоминьдану, происходит расслоение: часть малодушно предает революцию и отходит к гоминьдановской реакции, другая же часть связывает свою судьбу с пролетариатом и руководимым им крестьянством.

Классовая борьба этого периода имела свое отражение и в китайской литературе. Революционная часть мелкой буржуазной интеллигенции после ряда боев на литературном фронте, в тяжелых условиях террористического режима Гоминьдана, создает литературную ассоциацию революционных писателей «Левого блока», проводящих идею создания пролетарской, советской литературы. Мелкая буржуазия, пошедшая за Гоминьданом, создает целый ряд реакционных литературных групп, находящихся на субсидии правительства. Обе группы ведут ожесточенную борьбу, причем правая группа получает правительственную поддержку в этой борьбе против левого крыла, против «Левого блока» не только в виде денежных сумм, но и вплоть до физического уничтожения целого ряда писателей из «Левого блока», объявившего о своем вхождении в МОРП, т. е. Международную организацию революционных писателей.¹

В этой борьбе, вначале, писатель Мао-Дунь оказался в лагере усомнившихся в исходе революции, в лагере «Разочарования», среди тех, кто пошел по линии упадочничества, отразив моральный крах буржуазии и ее сграх перед надвигаю-

щейся волной аграрной революции в Китае под знаменами советов.

Написанная блестящим языком, обладающая значительными литературными достоинствами, трилогия Мао-Дуня дает яркую картину умирающей китайской буржуазии, разьедаемой феодальными пережитками, наполненной ядом «Колеманий» и фактически бессильной перед громом марширующих легионов освобождающегося колониального Востока, этого «тяжелого резерва» мировой революции.

Однако, как и многие другие представители китайской мелкобуржуазной интеллигенции, он вскоре понял, что есть только два пути, по которым можно идти, или путь революции или дорога контрреволюции. Всякий другой путь приводит в тупик, в лагерь морального разложения, безысходности и толкает в лагерь реакции.

Мао-Дунь решительно порывает со своей мелкобуржуазной психологией, решительно встает на сторону революционного «Левого блока» и начинает работать в качестве секретаря этой левой литературной организации. Но написанные им книги, охватывающие период Уханьского правительства, остаются памятником колебаний левоминьдановских буржуа перед лицом углубляющейся революции.

Первоначально Мао-Дунь задумал свою трилогию как большой труд, который должен был отразить весь Уханьский период китайской революции, однако, потом, усомнившись в своих силах, он взял лишь частичный эпизод в трех частях; тем не менее и в этом этюде, на материале жизни одного уезда, выплывает микрокосм того, что в больших масштабах мы имели в самом Ханькоу.

Первый роман из трилогии Мао-Дуня — «Разочарование» — «Хуаньме» — по фабуле весьма несложен. Автор дает

¹ По поводу расстрела в начале 1931 г. пяти писателей, своих членов, «Левый блок» выпустил отдельное «Обращение ко всем организациям революционной литературы и культуры, ко всем писателям и мыслителям, работающим для прогресса человечества». В этой декларации «Левый блок» протестует перед всем миром против той реакции, жертвами которой стали пятеро молодых писателей и поэтов, частью расстрелянных, частью закопанных живьем в Шанхае.

типы двух модернизованных китайских девушек. Одна из них — Цзин — идеалистка, полная индивидуальных мелкобуржуазных идей, другая — Хой — циничная, знающая «жизнь» гедонистка.

На противопоставлении этих двух типов завязывается интрига. Некий Бао Су, оказывающийся впоследствии провокатором, сначала увлекается одной, потом другой. Происходит драма, и разочарованная героиня, Цзин, уезжает в Ханькоу принять участие в революционном движении. Работая сестрой милосердия в госпитале, она знакомится с раненым командиром Цян, в уста которого автор вкладывает наивно-геройские высказывания, и все кончается благополучной свадебной поездкой на курорт.

Автор великолепно знает студенческую жизнь, его типы мелкобуржуазной интеллигенции даны с исчерпывающей полнотой.

В основе этого романа, равно и двух остальных, лежат преимущественно психологические, сексуальные переживания персонажей. Общество, политика — для Мао-Дуня только фон, на котором разворачивается психологическая игра, причем эта игра в первом романе слаба, наивна и неубедительна, хотя порою и сделана мастерски, с точки зрения стилистической обработки и владения словом.

Мао-Дунь, сам выходец из мелкобуржуазной среды, лучше всего очерчивает знакомые ему мелкобуржуазные типы. Психологии рабочих, крестьян он не ощущает, и в его изображении они только статисты на сцене. В переводе на русский не удастся точно изобразить все богатство образов и всю силу изобразительного таланта автора, являющегося, несомненно, наряду с Юй Дафу, Го Можо и Лу Сином, одним из самых крупных современных художников слова

в Китае. В качестве примера описательного свойства можно привести следующий отрывок (стр. 61):

«... и картина родного дома тотчас всплыла перед ее усталым взором:

«Рисовые поля, как зеленые одеяла, квадрат за квадратом, расстилаются среди волнистых гор, а на склонах — песчаные осыпи — краснее огня — совсем как поется в деревенской песне:

«Зеленое парчевое одеяло,
Красного атласа покрывало...»

Легкий ветер порывами шлет глухие стук колес, нагнетающих воду на поля, и ритмичную песнь колосьев. А к вечеру на берегу деревенского ручья пара желтых коров, послушно остановившись, пьет воду, и мальчики-пастухи под большой акацией сражаются в карты — и только когда по домам разошедшийся люд повторно начнет их звать, тогда лишь тащат они коров, лениво возвращаясь домой... О, милая родина!...»

Наряду с такими акварельными зарисовками, Мао-Дунь дает, едкие подчас, жанровые сценки. Напр., описывая устный экзамен в Ханькоу для желающих попасть в армейский отдел пропаганды, Мао-Дунь пишет (стр. 87—88):

«Сверх ожидания, уполномоченный по устному экзамену оказался молодым человеком не в военном, а в европейском штатском костюме, низкорослый, со слабым голосом. Каждому экзаменуемому он предлагал с десяток вопросов, и, как бы ему ни отвечали, на его деревянном лице ничего не отражалось и не позволяло догадываться о его мнении. — Вам известно, что за человек Мусалини? (Муссолини в кит. произношении) — спросил этот маленький уполномоченный у одного из экзаменуемых, после общих вопросов о партийном государстве, вдруг взяв тон обычного вопроса.

На бумаге он написал иностранное слово «Мусалини».

— Му-са-ли-ни?... это старый революционер, — колеблясь ответил экзаменуемый.

— Какой национальности? Умерший?

— Он — русский... как будто недавно умер.

— Кто такой Дзиновэйфу? (Зиновьев в китайском произношении) — переменял вопрос экзаменатор, ничего не отрицая.

— Это контрреволюционер, белогвардеец.

Уполномоченный по устному экзамену написал иероглифами «Дзи-но-вэй-фу».

— А... а мне слышалось Семенов... А этот... этот Зиновьев, конечно, англичанин, — совещательным тоном возразил экзаменуемый.

«Аньгэлянь» (китайск. произп. фамилии англич. Aglen, бывш. нач. кит. таможен. с 1910 г.) — снова написал уполномоченный.

— Этот предатель! Этот разбойник! Он инспектор морской таможни в Пекине, — радостно ответил экзаменуемый.

— А может быть он мукденец? — тотчас задал вопрос экзаменатор, и на лице его не дрогнула ни одна жилка.

— Ну, конечно, — согласился экзаменуемый, с сомнением глядя на лицо уполномоченного.

Цзин, не удержавшись, тихонько засмеялась».

Мао-Дунь высмеивает гоминьдановскую систему, высмеивает гоминьдановских «вождей», показывая их мещанское убожество, но, вместе с своей героиней, он протестует против анархического отношения к собственности со стороны всех этих «революционеров», этих мелких бунтующих буржуа с их теориями «свободной любви» и проблемами пола, заслоняющими для них революцию, которую они представляют как орудие для собственных личных целей.

«... На третий день ее службы, один из сослуживцев занял ее зонтик и на другой день не вернул, сказав, что одолжил кому-то еще:

Ей осталось купить новый.

Однажды другая сослуживица, увидев у нее накидку, заявила: «Э, очень красивая накидка. Жаль, что не мне носить». Однако, она все же накинула ее на себя и ушла. Когда же, через четыре-пять дней, она ее возвратила, то накидка на плечах оказалась порванной.

Все эти люди постоянно отдавали свои вещи неизвестно кому и куда, и в свою очередь сами брали чужие. Они к этому привыкли, но чересчур изысканная и вежливая Цзин не привыкала. Любовь была их единственным занятием, за исключением работы. Она постоянно видела, как обнимались сослуживцы, мужчины и женщины, более того — все целовались. Если одинокая женщина не имела мужчины, то ее вина почти приравнивалась к контрреволюции, по меньшей мере, к пережиткам феодальной идеологии... Все это совершенно ей не нравилось, и постепенно у нее родилось отвращение к текущей работе» (стр. 91—92).

В книге «Разочарование» отражено моральное состояние китайской интеллигенции перед лицом развертывающейся революции, неверие в себя, отсутствие почвы под ногами, псевдо-демократические порывы и непонимание реальности происходящего, романтика буржуазных юношей и девушек, в конечном итоге ощущающих только себя, только через призму своего «я» пытающихся осознать окружающее, терпящих крах и в итоге остающихся на пепле своих «разочарований».

Второй роман Мао-Дуня «Колебания» (Дун-яо) является наиболее интересным и значительным из всей трилогии как

по сюжету, так и по диагнозу очерчиваемых в нем событий и типов. Этот роман в убедительной, художественной форме дает картину жизни уездного города в зоне Уханьского левогомьндановского правительства.

На фоне борьбы двух группировок, одну из которых возглавляет гомиьндановец Фан Лолань, другую же — перекрасившийся в революционера местный джентри Ху Гогуан, происходит личная драма неизменного треугольника: самого Фан Лоланя, его жены и эмансипированной Сунь Уян, работающей в местном женотделе Гомиьндана. Жена Фан Лоланя ревнует своего мужа к Сунь Уян, являющейся повидимому излюбленной женской фигурой в произведениях Мао-Дуня — женщиной сильных страстей, независимой, циничной и расчетливой, в соединении с внешней женской привлекательностью.

Пока длится вся эта «психология», в городе назревают события. Одним из главных является экономическая забастовка союза лавочных продавцов, направленная против хозяев.

Мао-Дунь рисует бастующих как какое-то бессознательное сборище, которое используется в своих целях джентри Ху Гогуаном, ловким маневром объявившим себя революционером и ставшим чуть ли не лидером союза с помощью своего приятеля Лу Мою, сынка из знатной фамилии, имеющего связи в местной гомиьндановской вер-хушке.

По очереди появляющиеся на сцене событий присланные эмиссары Гомиьндана, в качестве правительственной силы, говоруны и позеры, не спасают положения. На рассвете одного из тревожных дней город занимают контрреволюционные отряды, и все гомиьндановцы спешно эвакуируются из города, кроме Ху Го-

гуана, разумеется, присоединяющегося к реакционным властям.

В заключительной главе, отдыхающие в придорожном храме, после бегства из города, Фан Лолань с женой встречаются тоже бежавшую в солдатском мундире Сунь Уян.

Психологическая драма треугольника разрешается сценой, в которой жена Фан Лоланя застаёт своего мужа в объятиях Сунь Уян.

В этом романе Мао-Дунь показал себя большим художником в смысле зарисовки отдельных персонажей. Такие типы, как перекрасившийся Ху Гогуан, властолюбивый, расчетливый интриган, сластолюбивый, угодливый и мстительный; Фан Лолань, оторванный от массы политикан, нерешительный и в конечном счете трусливый интеллигент, беспочвенный романтик, ставящий личные переживания выше общественного долга; Сунь Уян, с ее богемными настроениями, с ее житейской расчетливостью, властолюбием и беспринципностью; отдельные типы феодальных купцов, резонеров-студентов, напыщенных гомиьндановских деятелей, дворянских сынков, модернизированных студенток-барышень, паникерствующих обывателей, всей этой накипи на теле китайского народа — все они даны меткими импрессионистскими штрихами, во всей своей неприкрашенной уродливой реальности.

Но если Мао-Дунь сумел талантливо зафиксировать персонажи буржуазии, то его попытки дать зарисовку молодежных пикетов, крестьянской обороны, членов союза лавочников — не удалась.

Они оказались аморфными, без классовой очерченности, туманными силуэтами статистов.

Давая картину левогомьндановского лагеря, Мао-Дунь не заметил компартии. Идеи коммунизма для него звучат в опи-

саниях этого периода, как обывательские слухи об «обобществлении имущества», он не знает, не видит и не показывает нам фигуры тех, кто в этот период вел суровую борьбу за идеи советов в самой гуще крестьянской массы, в глубине фабричных кварталов.

В качестве примера некоторых характеристик из данного романа можно привести несколько отрывков.

Стремящийся к власти джентри Ху-Гогуан, сорвавшийся на попытке пройти в члены купеческого союза, меняет тактику и старается приобрести влияние на поддержке масс демагогическим выступлением. Во время забастовки приказчиков компаньон Ху Гогуана пытался вывезти товар из лавки, но был задержан пикетом, и, воспользовавшись случаем, несколько человек из собравшейся толпы попытались овладеть товаром. Мао-Дунь описывает это так (стр. 86—87):

«... стоя на прилавке, он заговорил. Он обругал всех тех хозяев, которые не считаются ни с жизнью приказчиков, ни с общим положением, а думают только о том, чтобы прикрыть торговлю. Он сказал, что сам он, даже если иссякнет его капитал, ни за что не закроет торговлю; при этом он очень легко отмежевался от своего компаньона, заявив, что тот — человек глупый, простака, только и знает, что соблюдает верность хозяевам, а не понимает общего положения; он сказал, что те двое бродяг, которые пытались вызвать конфликт, конечно, действовали по указке контрреволюционеров, наконец, он сказал так же, что три требования, выставленные союзом приказчиков, можно будет тотчас же выполнить в его фирме, при этом он так же счел возможным образовать при его фирме объединенный комитет хозяев и приказчиков, чтобы совместно управлять делом: ради пользы революции он готов пожертвовать всем.

«... Из толпы раздались аплодисменты и чей-то голос крикнул: — Да здравствует революционный хозяин Ху Гогуан!, и множество голосов закричали вслед:

— Да здравствуют революционные хозяева! долой контрреволюционных хозяев!».

Пока разыгрывается эта сцена, рисуемая с определенной точки зрения реакция толпы на демагогию «революционного» джентри, лидер другого лагеря — официально-гоминьдановского занимается тем, что —

«...Фан Лолань бешено впился в ее кроваво-красные губы, — и всякие там контрреволюционеры, пикеты, магазины, воинствующие хозяева, грозящие руки, проклинаящие рты — все скрылось бесследно» (стр. 78).

А после разгрома хулиганами «Приюта для освобожденных женщин», изобретенного местным отделом Гоминьдана, тот же олицетворяющий гоминьдановскую власть Фан Лолань начинает раздумывать следующим образом (стр. 218—219):

«Новогодний счет должен быть полностью подведен. Вы отнимали жизнь у других, вы возбуждали ненависть к себе среди других, а теперь сами пожинаете свои плоды. Вы загоняли людей в тупик, и им не оставалось ничего другого, как на смерть драться против вас.

«Ты забыл, что загнанное животное сражается?»

«Словами „кулак, помещик, джентри“ вы создали бесчисленных новых врагов; вы изгнали помещиков старого образца и заменили новыми под революционным флагом; вы хотели свободы, а в результате опять получили тиранию...» и т. д.

Это саморазоблачение гоминьдановца, плод всего мирозерцания, построенного на песке идеализма, это «разочарование»

человека, который ощущает «колебание» почвы под ногами, весьма показательно, как показательно и вся книга периода разрушения мелкобуржуазных иллюзий. Здесь нет места для более подробных цитат, еще ярче рисующих атмосферу левогоминьдановского режима.

Надо думать, что следовало бы дать в полном русском переводе всю книгу Мао-Дуня, с соответствующим предисловием, как интереснейший документ крушения китайской мелкобуржуазной идеологии в гигантской борьбе классов.

Переходя к последнему тому трилогии Мао-Дуня, к роману «В поисках» — Чжуйцю — надо отметить, что это произведение является наименее интересным из всех трех романов.

Оно очень интересно в качестве материала, характеризующего состояние китайской интеллигенции в период нанкинской реакции, но с художественной стороны, со стороны фабулы, роман «В поисках» длинен, скучен и переполнен резонерскими монологами.

Нет необходимости давать подробное изложение книги, в которой автор воскрешает социально умершие фигуры героев своих первых двух романов, — стоящих не у дел и варящихся в соку своих психологических переживаний; достаточно просто в виде образца процитировать несколько мест, и эти цитаты полностью обрисуют весь тон третьей части трилогии.

«Чжун Шао, ты знаешь, что является болезнью века?» — говорит герой романа Мань Цин, — «не что иное, как страдания fin de siècle. Мы, блуждающая молодежь, тоже страдаем, и составной частью наших страданий является боль от разочарования... Нет ни идей, ни цели, ни направления...» (стр. 5).

«...Мы не имеем возможности работать, мы не годимся быть господами, но

мы не умеем быть и разбойниками или бандитами. В это время громадных потрясений, мы равны нулю... Мы даже не можем сами поверить, что мы еще живые люди» (стр. 11).

А Ши Сюнь, другой резонер, замечает:

«... их жизненный путь: в семнадцать лет хотят преобразовывать общество, в двадцать семь, двадцать восемь ведут общество, в тридцать семь, тридцать восемь — идут уже за обществом, а в сорок семь, сорок восемь тянут общество назад» (стр. 22).

На этом фоне глубокой ипохондрии вяло разворачивается канва последнего романа трилогии и завершает путь, пройденный писателем Мао-Дунем, лицо которого на этапе временного поражения китайской революции в 1927 г. вполне ясно вырисовывается через все высказывания героев его трилогии, лицо китайского интеллигента, смятого в борьбе классов и не находящего себе ни места, ни выхода.

Заканчивая рецензию, следует признать, что в советской литературе мы имеем чрезвычайно мало переводов современной китайской литературы, а между тем при том огромном интересе к Китаю, который обнаруживает советский читатель, знакомство с переводной китайской литературой вскроет и осветит такие стороны китайской жизни, которые явятся лучшей иллюстрацией к анализу политической ситуации.

Надо надеяться, что на фронт литературных переводов с китайского мы обратим особое внимание, и тогда несомненно произведения Мао-Дуня также войдут в качестве составной части переводных материалов.

Б. Васильев.